

АЛЕКСЕЙ ДОВГУН

ТЕМНЫЕ ИСТОРИИ

АРХИВ №1

ДЕЛО

214

312

Алексей Довгун

Тёмные истории

"Архив номер 1"

<https://litres.ru/74571474>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять историй. Десять разных дверей в реальность, из которой не всегда получается вернуться.

Старый кинотеатр, где последний сеанс может оказаться действительно последним. Комната в общежитии, дневник которой знает о вас больше, чем вы сами. Картина, на которой постепенно появляется ваша собственная жизнь. Забытая зала ожидания, поезд с двойником, архивное дело, которого никогда не должно было существовать, и другие места, где привычные правила однажды перестают работать.

Герои этих рассказов оказываются рядом с необъяснимым совершенно случайно. Они не ищут мистику и не готовы встретиться с ней. Но чем дальше, тем сложнее понять, где заканчивается совпадение и начинается нечто, что давно наблюдает за ними.

Здесь нет безопасных случайностей. Вещи могут помнить своих владельцев, фотографии — менять будущее, книги —

писать людей, а знакомые места — хранить тех, кто однажды не смог из них уйти.

Содержание

ЯЧЕЙКА 47	5
КАФЕ НА 214-М КИЛОМЕТРЕ	15
ДЕЛО 0	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алексей Довгун

Тёмные истории

"Архив номер 1"

ЯЧЕЙКА 47

Склад «Архив-Склад» втиснулся в промзону между заправкой и базой стройматериалов. Трёхэтажная коробка без окон, плоская крыша, ржавые ворота с наклейкой логотипа, выгоревшей до серого пятна.

Андрей заглушил двигатель и ещё немного посидел в машине, глядя на вывеску. В бардачке — папка с договором аренды квартиры, в багажнике — четыре коробки, упакованные ещё дома, в субботу, когда Лена уехала к матери. Книги, зимняя одежда, документы, кухонная мелочь, которую она забирать не разрешила. Двенадцать лет вместе — и вот, пожалуйста, делят сковородки.

Внутри пахло бетоном, пылью и чем-то приторно-сладким — то ли старым картоном, то ли самым дешёвым освежителем из автомата в туалете. За стойкой, отгороженной от посетителей мутным оргстеклом, сидел мужчина лет пятидесяти в сером свитере с катышками. Листал журнал, даже не подняв глаз.

— Аренда ячейки? — спросил Андрей.

— Паспорт.

Мужчина вбил данные, напечатал договор, сунул через прорезь ручку. Подпись, оплата за три месяца вперёд. На пластиковом брелоке — цифра 47.

— Третий этаж, направо. Ячейки с 41 по 60. Свет автоматический, но лучше не гасить — таймер на пять минут.

— А если чаще приходиться?

— Хотя каждый день. Только до десяти. В десять закрываем.

Андрей кивнул, забрал ключ. Коробки таскал по одной на тележке с скрипящим колесом. Лифт не работал — на двери висела бумажка с от руки написанным «Неисправен. Извините». По лестнице поднимался, придерживая коробки рукой, и на второй площадке остановился перевести дух.

Тут-то и заметил царапины на стене. Кто-то острым — гвоздём, ключом, может, отвёрткой — нацарапал цифры. 12. 15. 18. Дальше — ещё несколько, но разобрать было сложно. Не цифры даже, а счётчик. Кто-то что-то считал. Андрей пожал плечами и пошёл дальше.

Третий этаж. Длинный коридор, металлические дверцы по обеим сторонам, люминесцентные лампы гудят где-то на пределе слышимого, свет желтоватый, болезненный. Ячейка 47 — в самом конце. Ключ вошёл туго, замок щёлкнул, дверца открылась со скрипом. Внутри — бетонный пол, стены, потолок. Пусто.

Коробки расставил ровно, одну к одной. Закрыв, проверил замок дёрнув за ручку. Всё. Спускался по лестнице уже без груза, и почему-то казалось, что делает что-то не то. Не то чтобы верил в приметы — просто развод, переезд, временное хранение. Всё слишком правильно, слишком по пунктам. А когда всё правильно, кажется — вот-вот что-то случится.

Сел в машину, завёл. По радио — новости, голос диктора про какие-то тарифы. Выехал со склада и не обернулся.

Через неделю вспомнил про зимнюю куртку. В съёмной однушке на Котельниках было прохладно, батареи едва тёплые, а ночами уже холодило. Решил забрать одну коробку.

Склад выглядел так же. Мужчина в свитере — тоже. Даже журнал тот же, только перевернут на другую страницу.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Третий этаж, коридор, ячейка 47. Ключ, щелчок, дверца. Внутри — четыре коробки. Но что-то не так. Стоят иначе. Точно помнил: поставил в ряд, ровнёхонько. Теперь сдвинуты. И коробка с зимней одеждой — другая. Не его.

Открыл. Внутри — куртка. Чёрная, стёганая, с капюшоном. Никогда такой не видел. Но когда достал, расправил — села идеально, прямо по плечам. На бирке — размер, его размер. И ещё одна бирка, с датой покупки. Дата — через три месяца.

Посмотрел на куртку. Потом на остальные коробки. Они

— его. Проверил: книги, документы, кухонная утварь. Всё на месте. Только вместо его зимней одежды — вот это.

Закрыв ячейку, спустился.

— Извините, у вас вещи в чужие ячейки кто-то кладёт?

Мужчина оторвался от журнала.

— Бывает. Путают номера. Проверили?

— Проверил. Там куртка, которой у меня нет.

— Может, забыли? — пожал плечами. — У нас такое.

Привозят, а потом не помнят, что и куда.

— Куртку, которой у меня никогда не было, я забыть не мог.

Мужчина посмотрел без интереса.

— Ну, я не знаю. Может, кто по ошибке положил. Управляющего вызвать?

— Не надо.

Взял куртку, решил разобраться позже. Вышел на улицу, сел в машину. Куртка лежала на пассажирском сиденье — чёрная, аккуратная, с бирками. На внутренней стороне — метка химчистки, дата — две недели назад. Но в химчистку ничего не сдавал.

Завёл двигатель. По дороге несколько раз бросал взгляд на куртку. И не мог отделаться от ощущения, что она — смотрит.

Через три дня вернулся. Сам не знал зачем. Может, надеялся, что зимняя одежда вернётся. Может, хотел понять.

Открыл ячейку. Куртки нет. Вместо неё — маленькая кар-

тонная коробочка, раньше не видел. Внутри — чек из магазина электроники. Дата — послезавтра. Модель ноутбука, о которой давно думал, но не мог себе позволить. Цена — ровно та, что висит на сайте.

Посмотрел на чек, потом на коробки. Достал телефон, зашёл на сайт. Ноутбук в наличии, цена — копейка в копейку. Закрыв сайт, посмотрел на чек ещё раз. Дата — послезавтра. Магазин — в двух остановках от дома.

На следующий день пошёл. Просто посмотреть. Ноутбук стоял на витрине, ценник — точно как в чеке. Стоял, смотрел. Продавец подошёл.

— Вас что-то интересует?

— Нет, просто смотрю.

Вышел, постоял на улице. Вернулся. Купил. Заплатил картой, получил чек — такой же, как тот, из ячейки. Шёл с коробкой под мышкой и чувствовал себя неудобно. Как будто сделал что-то не то. Только что именно — непонятно.

Дома поставил ноутбук на стол, подключил, включил. Всё работает. Открыл браузер, зашёл на почту. Ничего странного. Посмотрел на старый чек из ячейки, потом на новый. Идентичны. Кроме даты — старый датирован послезавтра, новый — сегодняшним днём.

Убрал старый чек в ящик стола. Ноутбук работал как надо. Но что-то внутри — сдвинулось. Как будто нарушил какое-то правило. Только какое — неясно.

Ещё через неделю снова пришёл на склад. Открывал двер-

цу медленно, боясь того, что увидит. Внутри — фотография. Не его фотография.

На снимке — сам, в костюме, с бокалом в руке. Вокруг — люди, которых не знает. Помещение — банкетный зал, люстры, скатерти. На обороте — дата, через неделю.

Посмотрел на фото, потом на своё отражение в металлической дверце. Лицо — его. Но выражение другое. Улыбка, которую никогда не делал. Костюм, которого нет.

Через неделю позвонил коллега.

— Слушай, у нас корпоратив в пятницу. Пойдёшь?

— Не знаю. Не люблю корпоративы.

— Ну ты же новый. Появиться надо. Ресторан «Меридиан», на набережной.

Замер. «Меридиан» — тот самый зал на фотографии.

— Ладно, пойду.

— Отлично. И костюм надень, у нас дресс-код.

— Хорошо.

Повесил трубку, посмотрел на снимок. Костюма нет. Пошёл в магазин, купил тёмно-синий, белую рубашку, галстук. В пятницу надел всё это, посмотрел в зеркало. Выглядел — точь-в-точь как на фото.

Корпоратив оказался скучным. Люди пили, говорили, смеялись. Стоял с бокалом, чувствовал себя марионеткой. Кто-то сделал снимок — его, с бокалом, на фоне зала. Посмотрел потом, сравнил с тем, из ячейки. Одинаковые. Кроме одного — на фото из ячейки был один. А здесь — с

людьми.

Вернулся домой, снял костюм, сел с фотографией в руках. Кто-то знает, что будет. Кто-то подкладывает вещи, описывающие будущее. Но зачем?

Решил: преследуют. Сменил замки в квартире, проверил телефон — никаких странных программ. Позвонил Лене.

— Слушай, ты не знаешь, кто меня может преследовать?

— Что? Кто?

— Не знаю. Подкидывают вещи. Куртку, ноутбук, фотографию.

— Андрей, ты пьян?

— Нет. Подкидывают вещи, которые описывают моё будущее.

— Ты себя нормально чувствуешь? Может, к врачу?

— Не надо. Просто скажи — ты не знаешь, кто это?

— Нет, не знаю. И втягиваться не хочу.

Повесила трубку. Сидел на кухне, смотрел в стену. Решил не ходить на склад неделю. Посмотреть, что будет.

Но не мог перестать думать. Смотрел на ноутбук, на фотографию, на куртку в шкафу. Это не розыгрыш. Розыгрыш не бывает таким точным. Что-то другое.

Через неделю не выдержал. Пришёл, открыл ячейку. Внутри — медицинская карта. На его имя.

Открыл. Диагноз: тяжёлое заболевание, прогноз — несколько месяцев. Дата карты — месяц назад. Имя — его. Дата рождения — его. Фотография — его лицо, только чуть

бледнее.

Закрыв карту, спустился, сел в машину. Поехал в больницу, записался к врачу. Через два дня сдал анализы. Ещё через три — получил результаты. Всё чисто. Показал врачу.

— У вас всё хорошо, — сказал тот. — Что беспокоит?

— Ничего. Просто проверка.

Вышел из больницы, сел в машину. Вещи приходят не из будущего. Они приходят из другой реальности. Из той, где заболел. Из той, где умер.

Приехал на склад, открыл ячейку. Карта на месте. Взял, вышел, бросил в мусорный бак у входа. Вернулся домой, сел на диван. Контролировать не может. Остановить не может.

Утром во вторник пришёл снова. Открыл ячейку — внутри записка. Написана его почерком. Свои буквы узнал сразу: наклон, росчерк, манера ставить точки.

«Не открывай ячейку в четверг. Если ты это читаешь — уже поздно».

Посмотрел на записку, потом на календарь в телефоне. Сегодня вторник. Два дня. Прочитал ещё раз. «Если ты это читаешь — уже поздно». Что значит — поздно? Что уже открыл ячейку в четверг? Но не открывал. Или открывал — в другой версии?

Вышел со склада, сел в машину. Петля. Сам пишет себе записки, чтобы предупредить. Но предупреждение не работает. Потому что всё равно открывает. Потому что не может не открыть.

Решил уехать. Собрал вещи, забрал паспорт, деньги. Поехал в аэропорт, купил билет на ближайший рейс. Сел в зале ожидания, смотрел на табло. Рейс — через три часа. Можно уехать. Можно не прийти в четверг.

Но понимал: не поможет. Потому что уже знает, что будет. Потому что уже видел себя — в зеркале, в отражении, в чужих глазах. От себя не сбежать.

Встал, вышел из аэропорта, сел в такси. Поехал домой. Сидел, пил. Не знал, что делать. Смотрел на стену, на часы. Время тянулось. Вечером решил: пойдёт. Но ячейку открывать не будет. Просто посмотрит.

В четверг вечером пришёл на склад. Девять. Коридор пустой, свет мигает. Поднялся на третий этаж, шёл медленно. Ячейка 47 — в конце. Остановился перед ней, смотрел на номер. 47.

Вставил ключ, повернул. Дверца открылась. Внутри — пусто. Только документы и свидетельство о смерти. Взял, посмотрел на дату. Завтра. На имя. Его имя.

Шаги раздались за спиной. Обернулся. В конце коридора стоял другой Андрей. Тот же костюм, то же лицо, те же глаза. Тот смотрел с тем же выражением ужаса.

Смотрели друг на друга. Тот сделал шаг вперёд. В руке — коробка. Подошёл к ячейке, положил коробку внутрь. Понятно стало сразу: это он сам. Из прошлого. Тот, кто только что положил первую коробку. Тот, кто начал цикл.

Тот закрыл ячейку, посмотрел ещё раз, развернулся и по-

шёл по коридору. Остался стоять. Посмотрел на стену. Царапины. Счётчик. Подошёл ближе, посчитал. 37. Взял ключ, сделал царапину. 38.

Вышел со склада, сел в машину. Завёл. По радио — новости. Поехал домой. Понимал: завтра придёт на склад и положит первую коробку. Ту самую, с курткой. Потому что будет думать — это единственный способ предупредить себя. Но уже знает, что не сработает. И всё равно сделает.

Ехал по пустым улицам. Посмотрел на заднее сиденье. Там лежал чек из магазина электроники. Тот самый, из ячейки. Только брал его давно, положил в ящик стола. Откуда он здесь?

Дома поднялся в квартиру, сел на диван, посмотрел на чек. Цикл не заканчивается. Повторяется. И он — часть этого цикла. Встал, пошёл на кухню, налил воды. Выпил, посмотрел в окно. На улице темно.

Не может изменить. Не может остановить. Может только повторять. Снова и снова. До бесконечности.

Лёг спать. Приснился склад. Шёл по коридору, открывал ячейку, видел себя. Снова и снова. Проснулся утром, посмотрел на часы. Среда. Встал, оделся, пошёл на кухню. Сделал кофе, выпил. Посмотрел на куртку в шкафу.

Сегодня пойдёт на склад. Положит первую коробку. Начнёт цикл. Снова.

КАФЕ НА 214-М КИЛОМЕТРЕ

Трасса М7 ночью — это не дорога. Это коридор. Две полосы в каждую сторону, отбойник посередине, фонари через каждые триста метров, и каждый из них выхватывает из тумана ровно тот кусок асфальта, который тебе сейчас нужен. Дальше — ничего. Темнота, мокрый блеск, иногда — пара красных точек впереди, иногда — ослепительный удар дальнего света навстречу. И снова ничего.

Сергей вёл фуру уже одиннадцатый час. Москва осталась позади, Владимир проехали минут сорок назад, до Нижнего — ещё километров двести. Груз — сборная мебель, двадцать две тонны, доставка к утру. В кабине тепло, радио тихо бормочет что-то про погоду, навигатор показывает зелёную линию и цифру 197. Значит, через семнадцать километров — поворот на «Берёзку».

Он останавливался здесь лет десять, если не больше. Кафе на 214-м километре, приземистое здание с красной крышей и неоновой вывеской, у которой давно не горела буква «ё». Внутри — пластиковые столы, ламинат на полу, телевизор в углу с вечно выключенным звуком, запах пережаренного масла и растворимого кофе. Ничего особенного. Но еда горячая, кофе крепкий, и главное — парковка большая, можно встать так, чтобы фура не торчала на обочине.

Сергей свернул направо, проехал под шлагбаумом, поста-

вил машину рядом с двумя другими фурами и одним микроавтобусом. Заглушил двигатель. Тишина ударила в уши — после одиннадцати часов гула мотора она казалась почти физической. Посидел минуту, потёр лицо ладонями, потянулся. Спина ныла, шея затекла, глаза слезились.

Взял кошелёк, телефон, вышел. Холод обдал сразу — ноябрь, мокрый асфальт, туман такой, что фары на парковке казались размытыми пятнами. Воротник куртки поднял, пошёл к двери.

Внутри тепло, пахнет маслом и чем-то сладковатым — то ли выпечкой, то ли сиропом для кофе. За стойкой — парень лет двадцати, в фартуке, уткнулся в телефон. Телевизор показывает футбол без звука, на экране — какие-то испанцы, бегут по зелёному полю. Кроме парня — ещё одна посетительница. Женщина за дальним столиком, у окна. С ней мальчик, лет шести, может, семи.

Сергей сел у стены, ближе к двери. Привычка — так виден весь зал и выход. Парень подошёл, положил заламинированное меню.

— Яичницу и кофе, — сказал Сергей, не открывая меню.

— С чем яичницу?

— С чем есть.

Парень ушёл. Сергей достал телефон, пролистал сообщения. Ничего важного. Диспетчер — подтверждение доставки. Бывшая напарница — фото кота. Всё.

Взгляд скользнул к дальнему столику. Женщина — лет

тридцати пяти, тёмные волосы, серая куртка, перед ней чашка и тарелка с чем-то, что мальчик не ест. Мальчик — в синей шапке, возит по столу пластикового динозавра, зелёного, с отломанным хвостом. Обычная картина. Мать с ребёнком в ночном кафе на трассе — куда едут, откуда, неважно.

Сергей перевёл взгляд на окно. За стеклом — туман, парковка, силуэт его фуры. Ничего.

И тут — странное. Короткое, как вспышка. Ощущение, что эту сцену уже видел. Не здесь — где-то ещё. Ту же женщину, тот же столик, тот же динозавр. Дежавю, обычное дело, бывает от усталости. Сергей отмахнулся, потер переносицу.

Яичницу принесли быстро — три яйца, колбаса, хлеб, кетчуп в пакетике. Кофе — в белой чашке, крепкий, с пенкой. Сергей ел молча, механически, думая о маршруте. После Нижнего — Чебоксары, потом Казань, потом Уфа, потом — Екатеринбург. Ещё сутки в дороге. Потом — разгрузка, сутки на отдых, и обратно.

Мальчик за дальним столиком уронил динозавра. Тот покатился по ламинату, стукнулся о ножку стула, замер в метре от Сергея. Мальчик посмотрел на мать, та кивнула. Мальчик слез со стула, подошёл, но динозавр лежал уже у ноги Сергея.

Сергей наклонился, поднял. Пластик тёплый, затёртый, хвост отломан давно и заклеен скотчем. Протянул мальчику.

— Держи.

— Спасибо, — сказал мальчик. Голос тихий, обычный

детский.

И у Сергея сжалось в груди. Коротко, остро, как укол. Будто этот голос — знакомый. Будто слышал его вчера, или неделю назад, или год. Будто этот мальчик — не чужой.

Он посмотрел на ребёнка. Тот уже бежал обратно к матери, прижимая динозавра к груди. Женщина подняла глаза, кивнула Сергею — вежливое, дежурное «спасибо». Лицо обычное, незнакомое.

Сергей доел яичницу, допил кофе, оставил деньги на столе. Встал, натянул куртку, вышел. Холод снова обдал, туман стал гуще. Подошёл к фуре, открыл дверь, забрался в кабину, сел за руль.

Завёл двигатель. И тут — образ.

Не мысль, не воспоминание — именно образ. Яркий, цветной, с запахом и звуком. Кухня. Маленькая, с жёлтыми обоями и ламинатом на полу. Женщина в халате — та самая, из кафе, но в другом свете, домашнем. На столе — недоеденные тосты, чашка с чаем, крошки. Ребёнок бежит босиком, смеётся, в руках — зелёный динозавр.

Сергей моргнул. Образ исчез. Кабина, руль, приборная панель, туман за стеклом. Всё на месте.

Он сидел, смотрел перед собой, не двигаясь. Что это было? Он никогда не был женат. Детей нет. Родителей давно нет — мать умерла, когда ему было двадцать, отец — ещё раньше. Никаких жёлтых обоев, никаких тостов, никаких босых ног на ламинате. Откуда эта картинка?

Усталость. Одиннадцать часов за рулём, мозг начинает выдавать галлюцинации. Бывает. Сергей включил передачу, выехал с парковки, влился в трассу. Туман расступился, фары выхватили мокрый асфальт, отбойник, знаки. Всё нормально.

Он ехал и думал о яичнице. О том, что колбаса была пережарена. О том, что кофе — нормальный. О том, что до Нижнего ещё двести километров и пора бы заправиться. Обычные мысли. Привычные.

Но где-то на заднем плане, как тихая музыка из соседней комнаты, оставался образ кухни. Жёлтые обои. Крошки на столе. Смех ребёнка.

Километров через тридцать туман начал густеть. Фары пробивали его с трудом, белый свет расплывался, превращая дорогу в молочную реку. Сергей сбавил скорость до семидесяти, включил противотуманки. Радио тихо играло какую-то мелодию — то ли поп, то ли шансон, не разобрать.

И снова — образ.

Та же кухня, но вечером. Окно тёмное, за ним — дождь, капли бегут по стеклу. Женщина стоит у окна, в руках чашка, смотрит на улицу. Оборачивается, говорит что-то. Сергей не слышит слов, но узнаёт интонацию — мягкую, чуть уставшую, с ноткой раздражения. И запах. Кокосовый шампунь. Он чувствует его так отчётливо, будто стоит рядом.

Кокосовый шампунь. Он никогда не пользовался кокосовым шампунем. У него — обычный, из супермаркета, без за-

пах. Откуда он знает, как пахнет кокосовый?

Сергей моргнул, тряхнул головой. Образ растаял. Снова трасса, туман, фары. Руки на руле сжаты до побеления костяшек.

Он съехал на обочину, заглушил двигатель. Вышел, закурил. Стоял у кабины, смотрел в туман, курил. Руки дрожали — мелко, но заметно. Он посмотрел на них, сунул в карманы.

«Устал, — сказал себе. — Просто устал. Завтра отдохну, и всё пройдёт».

Докурил, бросил окурок, раздавил ногой. Залез обратно в кабину, завёл, поехал дальше. Радио играло ту же мелодию. Туман не редел.

Ближе к полуночи Сергей решил остановиться на сон. Глаза слипались, реакция падала, на трассе становилось опасно. Он свернул на стоянку у заправки — не «Берёзка», другое место, километров через шестьдесят. Заправился, купил в магазинчике бутылку воды и шоколадку, вернулся к фуре.

Забрался на верхнюю полку, лёг, укрылся пледом. Кабина тёмная, только мигает индикатор на панели. Тишина, нарушаемая гудением холодильника и далёким шумом проезжающих машин.

Закрыв глаза. Попытался не думать ни о чём. Считать вдохи. Десять, девять, восемь...

Сон пришёл быстро. И в нём — та же кухня.

Жёлтые обои, ламинат, окно. Но теперь — утро, солнце, на столе — завтрак. Женщина наливает сок в стакан с рисунком динозавра. Мальчик сидит на стуле, болтает ногами, не хочет есть кашу. Женщина говорит: «Миша, давай, быстро». Голос — тот самый, мягкий, чуть уставший. Мальчик — Миша. Имя всплывает само, как будто всегда было в голове.

Женщина оборачивается, смотрит прямо на Сергея. Улыбается. Говорит: «Пап, ты идёшь?»

Пап.

Сергей проснулся в холодном поту. Кабина, темнота, гудение холодильника. Часы на панели — 03:17. Сердце колотится, футболка мокрая.

Он сел на полке, свесил ноги, потёр лицо. «Пап». Мальчик назвал его папой. Во сне. Но это не его сын. У него нет сына. У него нет никого.

Он лёг обратно, закрыл глаза. Сна больше не было. Лежал до пяти, смотрел в потолок, слушал, как мимо проносятся фуры. В пять встал, умылся холодной водой из бутылки, выпил кофе из термоса, завёл двигатель.

Утро было серым, туман не ушёл, только стал тоньше, превратился в дымку. Трасса ожила — навстречу шли фуры, обгоняли легковушки, мелькали знаки. Сергей ехал молча, радио выключил. В голове — тишина, но хрупкая, как тонкий лёд. Под ней — образы. Кухня, женщина, мальчик. Миша. Оля.

Имя женщины всплыло где-то между Чебоксарами и Ка-

занию. Оля. Он не знал, откуда оно взялось. Просто было — как факт, как данность. Оля. Миша. Кокосовый шампунь. Жёлтые обои. Динозавр с отломанным хвостом.

Он пытался выгнать эти мысли. Включал радио — выключал. Открывал окно — закрывал. Пил воду. Жевал шоколадку. Ничего не помогало. Образы не уходили — они становились подробней.

Он знал, что Оля боится грозы. Знал, что Миша не ест ничего зелёного — ни огурцы, ни горошек, ни брокколи. Знал, что у Оли на левом запястье родинка в форме капли. Знал, что Миша спит с ночником, потому что боится темноты. Знал, что Оля работает в аптеке и приходит домой в семь вечера, пахнувшая лекарствами и мятными леденцами.

Он не должен этого знать. Он никогда их не видел — кроме той ночи в кафе, мельком, пять минут. Но знание было внутри, как будто всегда там было, просто он не обращал внимания.

Сергей остановился на обочине, вышел, встал у отбойника. Смотрел на трассу, на машины, на серое небо. Ветер холодный, мокрый, бьёт в лицо. Он стоял и думал: может, сошёл с ума. Может, это опухоль. Может, надо к врачу.

Но врачи не лечат чужие воспоминания.

Заправку он увидел километрах в ста от Казани. Обычная — «Лукойл», магазинчик, туалет, кофейный автомат. Заехал, заглушил, пошёл внутрь. Купил воду, бутерброд, подошёл к кассе.

На стойке — стопка местных газет. Бесплатных, тонких, на серой бумаге. Верхняя — с заголовком, набранным крупным шрифтом: «Трагедия на М7: погибли мать и ребёнок».

Сергей замер. Взял газету, развернул. Фотография — разбитая легковушка, белая, смятая в гармошку. Рядом — фурган, ушедшая в кювет. Скорая, мигалки, люди в форме. Под фото — подпись: «21 октября, 214-й километр трассы М7. Столкновение легкового автомобиля с грузовиком. Погибли женщина 34 лет и её сын 6 лет. Водитель грузовика скрылся с места происшествия. Ведётся розыск».

214-й километр. Месяц назад.

Сергей смотрел на фотографию. Женщина на снимке — размытая, в носилках, лица не видно. Но он знал. Это Оля. И мальчик — Миша. Он знал это так же точно, как знал, что его зовут Сергей.

Он купил газету, вышел, сел в кабину. Развернул, прочитал статью целиком. «По предварительным данным, грузовой автомобиль выехал на встречную полосу и столкнулся с легковым. Удар пришёлся в левый бок. Женщина и ребёнок погибли на месте. Водитель грузовика не остановился. Камеры на участке не работают. Очевидцев не найдено».

Сергей отложил газету. Посмотрел на руль. На свои руки. На лобовое стекло, за которым — серая трасса, машины, туман.

214-й километр. Месяц назад. Ночь.

Он вспоминал. Медленно, как будто вытаскивал из болота

что-то тяжёлое и грязное. Месяц назад. Ночная смена. Тот же маршрут, Москва — Екатеринбург. Тот же 214-й километр. Туман, мокрый асфальт, пустая трасса. Телефон зазвонил — диспетчер, что-то про накладную. Он посмотрел на экран. На секунду. Может, на две.

Удар.

Не громкий — скорее, толчок. Фуру качнуло, руль дёрнулся вправо. Сергей выровнял, затормозил, остановился на обочине. Вышел, посмотрел назад. Темнота, туман, ничего не видно. Подумал: задел столб. Или отбойник. Бывает. Осмотрел бампер — царапина, мелочь. Сел обратно, поехал дальше.

Но теперь — теперь он вспоминал другое. Звук. Не удар — крик. Короткий, высокий, детский. Он слышал его, когда выходил из кабины. Он стоял на обочине, смотрел в темноту, и откуда-то из тумана донёсся крик. Потом — тишина. Потом — сирена, далеко, на встрече.

Он не пошёл на крик. Он сел в кабину, включил радио, поехал. Сказал себе: никого там нет. Сказал себе: показалось. Сказал себе: это не его дело.

Он уехал.

Сергей сидел в кабине на заправке под Казанью и смотрел на газету. Руки не дрожали — они были неподвижны, как у мёртвого. В голове — тишина. Не та, хрупкая, а абсолютная, пустая, как в колодце.

Он понял. Не сразу — понимание приходило слоями, как

туман, который сначала кажется дымкой, а потом оказывается стеной.

Воспоминания — не его. Кухня, жёлтые обои, тосты, крошки, смех Миши, запах кокосового шампуня, родинка на запястье Оли — всё это чужое. Это память Оли. Её последний день, её обычное утро, её кухня, её жизнь. Та, которая оборвалась на 214-м километре месяц назад.

Его мозг не выдержал. Он проехал мимо, увидел аварию, услышал крик, уехал — и его психика не смогла это переварить. Вина — не та, которую можно заглушить радио и забыть. Она въелась. И мозг сделал единственное, что мог: забрал чужую память, чтобы Сергей почувствовал то, что чувствовал бы отец Миши, если бы тот был жив. Чтобы он понял, кого убил.

Сергей открыл бардачок. Там — документы. Его документы: права, страховка, путевой лист. И под ними — то, чего раньше не было. Или было, но он не замечал.

Водительское удостоверение. Не его. На имя Олега Петрова, 1989 года рождения. Фотография — молодое лицо, короткая стрижка, серьёзный взгляд. И ещё одна фотография, сложенная вдвое — Оля с Мишей. Оля в летнем платье, Миша на руках, оба смеются. На обороте — надпись: «Лето 2023, дача».

Сергей смотрел на фотографию. Оля — та самая женщина из кафе. Миша — тот самый мальчик с динозавром. Он знал их лица, их голоса, их привычки. Он знал, как Оля поёт

колыбельную, фальшиво, но нежно. Знал, как Миша хихикает, когда его щекочут. Знал, как они пахнут — молоком, шампунем, тёплой одеждой.

Он не клал эти документы в бардачок. Они там были. Всегда. Или он сам их туда положил, но забыл — так же, как забыл аварию, крик, вину.

Сергей закрыл бардачок. Посидел минуту, глядя на руль. Потом завёл двигатель. Выехал с заправки, влился в трассу. Туман редел, небо светлело, навстречу шли фуры с включёнными фарами.

Он ехал молча. Радио не включал. В голове — образы, но теперь они не пугали. Они были как груз в кузове — тяжёлый, неподъёмный, но закреплённый. Он вёз их. И будет везти.

Километров через десять радио включилось само. Старая кнопка, залипла от влажности. Из динамиков — песня. Тихая, женский голос, гитара. Та самая, которую Оля любила. Он знал это. Знал, что она слушала её по утрам, когда мыла посуду, и подпевала, фальшиво, но нежно.

Сергей не выключил радио. Не мог. Песня играла, трасса шла, туман таял. Он ехал и понимал: воспоминания не уйдут. Они — часть его теперь, как шрам, как хроническая боль. Каждый раз, проезжая 214-й километр, он будет видеть их. Мать и ребёнка. И себя — за рулём фуры, которая их убила.

Он поднял глаза к зеркалу заднего вида. Посмотрел — и

на секунду замер. В зеркале было не его лицо. Другое. Молодое, короткая стрижка, серьёзный взгляд. Олег.

Моргнул. Снова своё лицо. Усталое, небритое, с мешками под глазами.

Он опустил зеркало, чтобы не видеть. Но знал: оно там. Всегда будет.

Трасса шла дальше. Знак: «Нижний Новгород — 120 км». Серое небо, мокрый асфальт, фуры навстречу. Обычный день. Обычный рейс.

Сергей бросил взгляд на заднее стекло кабины — то, что отделяет спальное место от водительского. На стекле, на тонкой нитке, качался маленький пластиковый динозавр. Зелёный, с отломанным хвостом, заклеенным скотчем.

Откуда он взялся — Сергей не знал. И не хотел знать.

Он ехал дальше.

ДЕЛО 0

Подвал городского архива пах ветхой бумагой, клеем и чем-то ещё — чем-то, что Марина так и не научилась определять. Может, пылью, осевшей за полвека. Может, самим временем, если время имеет запах.

Дверь — тяжёлая, металлическая, с круглой ручкой, которая требовала усилия. Ключ поворачивался туго, замок щёлкал неохотно. За дверью — короткий коридор, три ступеньки вниз, и дальше — фонд 3. Низкий потолок, люминесцентные лампы в длинных пластиковых коробах, стеллажи от стены до стены, забитые коробками и папками. Пол — бетонный, крашенный серой краской, которая местами облезла до бетона.

Марина спустилась, включила свет. Лампы зажглись не сразу — сначала заморгали, потом разгорелись ровным белым светом, без теней. Вентиляция в дальнем углу гудела тихо, но постоянно — этот звук перестал замечаться ещё в первый месяц работы.

Рабочий стол — у дальней стены, рядом с вентиляционной решёткой. Стул на колёсиках, с продавленной спинкой. Настольная лампа с зелёным абажуром, принесённая из дома, потому что общий свет казался слишком плоским. Кружка с надписью «Лучшему архивариусу» — подарок мамы на день рождения, два года назад. Мама теперь живёт в другом

городе, звонит по воскресеньям.

Марина села, включила лампу, достала из сумки бутылку воды. На часах — 09:15. Игорь Викторович ещё не пришёл — он обычно появлялся к десяти, не раньше.

На столе — четыре картонные коробки из хранилища. Фонд 1974 года, исполком, хозяйственные вопросы, кадры. Описать составить, проверить сохранность, отметить в журнале. Работа на неделю, может, чуть больше.

Первая коробка открылась, из неё потянулась первая папка. Серый картон, на корешке — номер от руки, выцветшие чернила. «Ф. 214, оп. 3, д. 147». Раскрытая, с хрупкой желтоватой бумагой, с запахами — то ли сырости, то ли старого клея.

Работа шла механически, привычно. Лист, взгляд, запись в тетради: номер, дата, краткое содержание, состояние. В сторону. Следующий. Руки двигались сами, голова была свободна.

К полудню пришла Ольга из соседнего отдела, принесла акт на подпись. Акт подписан, Ольга ушла. Вентиляция гудела. Лампы горели ровно.

Из второй коробки папка досталась другая.

Во второй коробке, между делами о ремонте кровли и закупке канцтоваров, лежала папка, которой там быть не должно.

Заметили её сразу — не по содержанию, а по виду. Картон свежее, не пожелтел, как остальные. Корешок чистый,

без номера фонда, без описи, без дела. Только надпись от руки, чёрными чернилами, почерк аккуратный, с наклоном вправо: «Дело 0».

Папка легла на стол. Раскрылась.

Внутри — личное дело. Фотография — чёрно-белая, 3×4, как на документы. Но размытая, будто снимали через мутное стекло или через запотевшее окно. Лицо — не разобрать. Только контур: овал, тёмные волосы, светлый воротник. Имя — тоже неразборчиво. Буквы слились, чернила растеклись. Дата рождения — 1952. Место рождения — не указано. Место работы — «Городской архив». Должность — «младший научный сотрудник».

Фотография рассмотрена внимательнее. Лицо — размытое, но что-то в нём было знакомое. Не черты — те разобрать не удавалось. Что-то другое. Выражение, может быть. Или наклон головы.

Папка закрыта, шаги раздались к столу Игоря Викторовича. Тот сидел у дальнего стеллажа, разбирал какие-то карты, в очках на кончике носа.

— Игорь Викторович, посмотрите, пожалуйста.

Он поднял глаза, снял очки, протёр тряпочкой.

— Что там?

— Папка странная. Во второй коробке лежала. Без номера фонда.

Папка перешла в его руки. Игорь Викторович раскрыл, посмотрел на фотографию, потом на первую страницу.

— Дело номер ноль? — брови приподнялись. — Не видел такого.

— Внутри — личное дело. Младший научный сотрудник, архив, 1952 года рождения.

— М-м. — Папка повертелась в руках. — Не припомню такого в штатках семидесятых. Может, по ошибке сюда попало. Из другого фонда.

— Но на ней нет номера фонда.

— Вот и я о том же. — Папка вернулась обратно. — Оставь пока у себя. Я позже посмотрю, может, в картотеке найду.

Кивок, возврат за стол. Папка легла справа, рядом с кружкой. Вентиляция гудела. Лампы горели.

Следующая папка из коробки открылась снова. Служебная записка о выделении помещения. Дата — март 1974. Подпись — неразборчивая. Запись в тетрадь, папка в сторону.

Мысль о «Деле 0» вернулась через час. Взгляд на папку — серый картон, аккуратная надпись. Дело номер ноль. Почему ноль? Почему не номер один, не тысяча сто сорок семь?

Папка открылась снова, фотография рассмотрена ещё раз. Размытое лицо, светлый воротник. И что-то знакомое. Не в чертах — в чём-то другом.

Папка закрыта, убрана в ящик стола. Решено вернуться позже.

На следующий день разобран журнал посещений фонда

за 1974 год.

Толстая тетрадь в твёрдой обложке, страницы пожелтевшие, записи — от руки, разные почерки. Листание, фиксация: дата, имя, время прихода, время ухода. Механическая работа, привычная.

На странице за март — запись, которая остановила.

Дата: 14 марта 1974. Время: 09:30 — 18:15. Имя: М. К. Подпись — внизу, под строкой.

Взгляд на подпись — и замирание.

Почерк — свой. Не похожий. Не напоминающий. Свой.

Наклон букв — свой. Манера ставить точки над «и» — своя, маленькие кружочки, не чёрточки. Росчерк в конце — свой, петля влево, потом вниз.

М. К.

Марина Ковалёва.

Взгляд на дату. 14 марта 1974. Ей тогда не было даже двух лет — рождение в восемьдесят первом.

Подъём, шаги к Игорю Викторовичу.

— Посмотрите, пожалуйста.

Взгляд через лупу, потом подъём глаз.

— Красиво написано.

— Это мой почерк.

Усмешка.

— Ну, мало ли. Почерк у всех разный. Совпадение.

— Но инициалы — М. К.

— Распространённые. Мария Кузнецова, Марина Козло-

ва. Мало ли.

— Но почерк — мой.

— Марина, ты в архиве работаешь второй год. А тут — сорок лет назад. Совпадение. — Журнал возвращён. — Не накручивай себя.

Возврат за стол. Взгляд на подпись ещё раз. Свой наклон, свои точки, свой росчерк. Совпадение. Конечно, совпадение.

Но что-то внутри — сжалось. Коротко, остро. Как будто своё имя, написанное чужой рукой.

Журнал закрыт, убран в коробку. Следующая папка досталась. Служебная записка. Дата — апрель 1974. Подпись — снова М. К.

Взгляд внимательнее. На полях — пометки. «Уточнить в отделе кадров». «Сверить с фондом 1968». «Передать в отдел комплектования».

Почерк — свой.

На полях — маленький рисунок. Цветок. Три лепестка, стебель, два листика.

Такие цветы рисуются с детства. Когда задумывается. Когда скучно. Когда нервничает. Привычка, не показанная никому. Никогда.

Взгляд на рисунок. Три лепестка. Стебель. Два листика.

Папка закрыта. Подъём. Шаги в туалет.

Умывание холодной водой. Взгляд в зеркало — лицо бледное, глаза усталые, под глазами тени. Волосы собраны в пучок, выбившаяся прядь лежит на щеке.

Совпадение. Конечно, совпадение.

Но что-то внутри — не успокоилось.

Три дня «Дело 0» не открывалось. Папка лежала в ящике стола, под тетрадами. Работа шла с фондом, опись составлялась, кофе пился из кружки с надписью. Игорь Викторович приходил к десяти, уходил в шесть. Обмен дежурными фразами: «Как дела?», «Нормально», «Обед в час?», «Да».

На четвёртый день терпение кончилось.

Папка досталась, положена на стол. Раскрыта.

Фотография — размытое лицо, светлый воротник. Первая страница — имя неразборчиво, дата рождения 1952, место работы — архив.

Страница перевёрнута. Внутри — служебные записки, акты, распоряжения. Всё — с подписью М. К. Всё — своим почерком.

Листание медленное, взгляд на каждую страницу. Пометки на полях — своя манера: галочки слева, подчёркивания справа, вопросительные знаки в кружочке. Рисунки — цветы, три лепестка, иногда — маленькие спирали в углах.

Спираль рисуются, когда нервничают. Никто не знает.

Папка закрыта. Сидение, взгляд на стену. Вентиляция гудела. Лампы горели.

Подъём, шаги к стеллажам. Коробка с фотографиями отдела за семидесятые годы досталась. Принесена к столу, открыта.

Конверты с надписями: «1972», «1973», «1974», «1975».

Конверт «1975» открыт, фотографии вынуты.

Чёрно-белые снимки: люди за столами, люди у стеллажей, люди в коридоре. Групповое фото — двенадцать человек в ряд, на фоне стеллажей. На обороте надпись: «Отдел кадров, 1975 г.»

Взгляд на снимок. Двенадцать человек. Мужчины в костюмах, женщины в платьях, все смотрят в камеру, кто-то улыбается, кто-то серьёзен.

Взгляд внимательнее.

Между двумя мужчинами — Петровым и Сидоровым, узнаваемыми по другим фото — было пустое пространство. Не совсем пустое. Если прищуриться — виден силуэт. Размытый, как на старой двойной экспозиции. Тёмное пятно в форме человека.

Подъём, шаги к Игорю Викторовичу.

— Посмотрите, пожалуйста.

Фотография протянута. Игорь Викторович взял, посмотрел.

— Да, отдел кадров, семьдесят пятый. Вот Петров, вот Сидоров, вот Нина Павловна...

— А здесь, между Петровым и Сидоровым, никого не было?

Взгляд внимательнее.

— Пусто. А что?

— Вы не видите силуэт?

— Какой силуэт?

— Здесь, между ними. Как будто кто-то стоял.

Фотография поднесена ближе, прищур.

— Марина, там пусто. Двенадцать человек. Всё по штатке.

— Но я вижу...

Молчание. Не сказать — «я вижу человека». Потому что это было не совсем человек. Это было пятно, силуэт, что-то, что могло быть кем-то, а могло быть просто засветом на плёнке.

— Покажется, — Игорь Викторович вернул фото. — Свет такой, глаза устают.

Возврат за стол. Фотография легла рядом с папкой. Взгляд на силуэт. Пятно. Размытое, тёмное. Но видное. Видящееся.

Коробка закрыта, убрана на стеллаж. Сидение, взгляд на «Дело 0».

Кто этот человек? Почему его никто не помнит? Почему его подпись — в документах, его почерк — на полях, его силуэт — на фото? И почему видится, а остальные — нет?

Ручка взята, тетрадь открыта. Написано: «Дело 0. Выяснить».

Следующая неделя прошла в отделах кадров, бухгалтерии, архивной картотеке. Вопросы про сотрудников семидесятих годов, копия фотографии показана.

— Двенадцать человек, — говорили все. — По штатке. Никого между Петровым и Сидоровым не было.

— Но на фото — силуэт.

— Это засвет. Или пыль на плёнке.

Фотография показана Ольге из соседнего отдела. Та посмотрела, покачала головой.

— Пусто. Никого нет.

Возврат к себе. Сидение, взгляд на фото. Силуэт на месте. Тёмное пятно между двумя мужчинами. Видное. Видящееся.

«Дело 0» открыто. Взгляд на размытую фотографию. Лицо — не разобрать. Но что-то знакомое. Не в чертах — в чём-то другом.

Папка закрыта, убрана в ящик. Подъём, уход домой.

Вечером, в съёмной квартире на втором этаже, сидение на кухне, чай. Взгляд в окно — темно, фонарь во дворе, ветки дерева качаются от ветра.

Думы о «Деле 0». О размытом лице. О почерке, который был своим. О цветке с тремя лепестками. О силе на фотографии.

Кто этот человек? Почему его никто не помнит? Почему его дело — номер ноль?

Чай допит, кружка помыта, сон.

Во сне — архив. Коридор, спуск в подвал, открытие фонда 3. Стол, «Дело 0». Открытие — внутри пусто. Только белый лист. На листе — надпись своим почерком: «Ты».

Пробуждение в три ночи. Сердце колотится. Сидение на кровати, взгляд в темноту. Вентиляция в квартире не работает — тишина.

Возврат в кровать, закрытые глаза. Сна не было до утра.

На следующий день в архив пришли рано, в восемь. Ключ повернулся в замке, дверь открылась, спуск в подвал, включение света. Лампы замигали, разгорелись. Вентиляция загудела.

Сидение за стол, «Дело 0» перед собой. Раскрыто.
Фотография. Размытое лицо. Светлый воротник.
Взгляд внимательнее — и замирание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.